

РЕЦЕНЗИИ

**Б.И. ЯРХО. МЕТОДОЛОГИЯ ТОЧНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ:
ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ ПО ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ**

Изд. подготовили М.В. Акимова, И.А. Пильщиков и М.И. Шапир; под общ. ред. М.И. Шапира.
М.: Языки славянских культур, 2006. XXXII, 927 с.

Рецензируемая работа – первый крупный сборник трудов замечательного русского филолога Б.И. Ярхо (1889–1942), дающий представление о масштабах его дарования, эрудиции, грандиозности ставившихся им задач.

Б.И. Ярхо — один из тех ученых, на которых, по выражению О. Мандельштама, “кидается век-волкодав”. Многообразием интересов он выделялся даже на фоне своих блистательных современников. Вот как он сам определял область своих занятий в октябре 1939 г. в заявлении в Наркомпрос: “<...> Я принял бы участие в работах какого-нибудь научно-исследовательского института. 1. По литературе средних веков: а) по средне-латинской, старо-французской, древне- и средне-немецкой, англо-саксонской и старо-скандинавской литературам; б) по средневековой эпической, драматической и лирической поэзии. 2. По стилистике (общей и русской). 3. По метрике (особенно по теории русского стиха). 4. По поэтике. 5. По русскому фольклору. 6. По славянскому фольклору (особенно сербскому). 7. По сербскому языку и литературе, особенно по дубровницкой поэзии. 8. По истории и теории драмы. Кроме того, перевожу приблизительно с 20 (новых и старых) славянских, германских и романских языков” (с. VIII). И действительно, Б.И. Ярхо затрагивал в фундаментальных работах все упомянутые в этом списке научные направления и литературы. Ему принадлежат переводы таких разноплановых текстов, как “Сатирикон” Петрония, старофранцузская “Песнь о Роланде”, “Сага о Волсунгах”, драмы каролингского поэта Хросвиты, писавшей на латыни. Приходилось ему переводить и труды по экономике¹.

Но, к сожалению, при жизни Ярхо смог опубликовать лишь малую часть написанного; главный свой труд – “Методология точного литературо-

ведения” – он не завершил. Культура и эрудиция Ярхо сделали его уж слишком неудобной фигурой для теоретиков “напостовского” и “раповского” литературоведения². В 1935 г. он был арестован по “делу о немецко-фашистской контрреволюции на территории СССР” (иначе – “дело немец-словарников”)³. Вместе с Б.И. Ярхо были арестованы такие выдающиеся ученые, как Г.Г. Шпет и А.Г. Габричевский, с которыми он сотрудничал в Государственной академии художественных наук. Приговор по статье 58-10 УК (антисоветская агитация и пропаганда) Ярхо получил довольно мягкий – три года ссылки, которую отбыл в Омске (в заключении и ссылке он продолжал писать “Методологию”). После освобождения он не смог вернуться в Москву, два года провел без работы, и только в 1940 г. смог получить должность профессора Курского пединститута. В том же году Ученый совет ЛГУ присудил Б.И. Ярхо степень доктора наук *honoris causa*, но ВАК не успел утвердить это решение. В 1941 г. ученый заболел туберкулезом и скончался в маленьком городе Сарапул 3 мая 1942 г. Он не погиб в тюрьме или ссылке, подобно Г.А. Ильинскому, Н.Н. Дурново и Е.Д. Поливанову. Но и творческого долголетия с прижизненным признанием, как у Д.С. Лихачева или А.Ф. Лосева, судьба ему не дала.

² Б.И. Ярхо сочувственно ссылался на Маркса и Энгельса (см., напр., с. 346), но без того пиетета, который требовала от учёных советская власть. Идеи же “экономического детерминизма” ему были чужды: “Факты идеологические тем менее поддаются экономическому объяснению, чем они конкретнее: нельзя каждое литературное изменение покрывать одновременным или непосредственно предшествующим ему экономическим изменением” (с. 347). Комментаторы отмечают в этой связи, что Ярхо тщательно выписывал у Маркса и Энгельса именно те примеры, которые свидетельствуют о расхождении “базиса” и “надстройки” (с. 740). Критика Ярхо в вышеприведенной цитате относится не столько к Марксу, сколько к вульгарным социологам. По-видимому, Б.И. Ярхо оценивал марксизм в целом как одну из философских доктрин, имеющих право на существование, но не дающую универсального объяснения мира.

³ Дело это по своей абсурдности (еврей – пособник немецких фашистов) встает в один ряд с “троцкистско-бухаринскими” и “эсеро-монархическими заговорами”, сфабрикованными примерно в то же время.

¹ Тейлор Ф.У. Научная организация труда / С предисл. П.М. Керженцева. Перевод с англ. А.И. Зак и Б.Я. Ярхо. М.: НКПС — Транспечать, 1924 (Переиздано: Тейлор Ф.У. Менеджмент. Перевод с англ. А.И. Зак [и Б.И. Ярхо] / Научная редакция и предисловие Е.А. Кочергина. М.: Контролинг, 1992 = Библиотека журнала “Контролинг”. Серия “Классики менеджмента”).

В начале 50-х гг. XX в. родственники выдающегося ученого попытались издать его труды, но получили отказ от Академии наук (см. с. VIII–IX). Только с конца 60-х гг. благодаря М.Л. Гаспарову стали появляться в печати неопубликованные работы Б.И. Ярхо, в том числе и отрывки из “Методологии точного литературоведения” [1–2]. Некоторые исследования самого Гаспарова были основаны на материалах Ярхо [3–4]. Начатое М.Л. Гаспаровым продолжил М.И. Шапир.

Интерес, проявляемый М.И. Шапиром к наследию Б.И. Ярхо, был давним и глубоким: об издании сборника трудов Б.И. Ярхо он говорил ещё в 1986 г. А в основанном им журнале “Philologica” неоднократно печатались работы Б.И. Ярхо и о нём [5–7]. Первые же публикации, осуществленные М.И. Шапиром, датируются 1990 г. [8–10]. Таким образом, рецензируемый том – плод многолетних штудий. И.А. Пильщиков и М.В. Акимова – соавторы М.И. Шапира – тоже сыграли большую роль в издании наследия Б.И. Ярхо. См. такие работы, как [11–12], подготовленная М.В. Акимовой публикация [13]. М.И. Шапир (в соавторстве с М.В. Акимовой) написал предисловие к тому, в котором излагается биография исследователя, а также завершающий очерк с надзаголовком “Вместо послесловия” и заголовком «“Тебе числа и меры нет”: О возможностях и границах “точных методов” в гуманитарных науках» (см. также [14]). В книге содержится полное, сверенное по всем архивным материалам издание “Методологии точного литературоведения” (с. 3–400), а также “Труды по теории и истории драмы”: “Комедии и трагедии Корнеля” (с. 403–549) и “Распределение речи в пятиактной трагедии (к вопросу о классицизме и романтизме)” (с. 550–607). Такой подбор строго обоснован: “Методология точного литературоведения” – это обстоятельное теоретическое изложение математических методов, исследования о Корнеле и других драматургах – применение этих методов на практике. Комментарий (с. 611–842), как всегда у М.И. Шапира и его сотрудников, фундаментален: он занимает 17 а.л., а библиография насчитывает около 700 позиций. Конечно, не одним объемом текста определяется его качество. Чтобы достойно прокомментировать большого ученого, надо приблизиться к нему хотя бы по эрудиции. И авторы отвечают этому требованию. Все приводимые в работах цитаты сверены по подлинникам; иногда приводится цитата, которая в тексте только упомянута. Б.И. Ярхо в поисках методологических оснований литературоведения широко обращался к естественным наукам, использовал развернутый математический аппарат. В комментарии использована литература

не только по филологии, но и физике, биологии, математической статистике и её истории. Авторы стремятся “дойти до самой сути”, до первоисточника. К примеру, в любой популярной книге по биологии можно прочесть о теории взаимосвязи органов Ж. Кювье или о тезисе Р. Вирхова *Omnis cellula e cellula* ‘каждая клетка <происходит> из клетки’. Комментаторы дают библиографическую ссылку именно на конкретные труды обоих великих биологов (с. 619; 665).

Рецензент не ставит своей задачей полностью проанализировать труд Б.И. Ярхо: для этого понадобилась бы работа иного жанра – обзорная статья большого объема. Попробую охарактеризовать основные методологические установки ученого. 1. Науку он определяет прежде всего как “систему доказательств”, “рационализированный язык” (с. 20–21), подчёркивая, однако, что она редко бывает свободной от эмоций. 2. Мир бесконечен, как и научное познание. Поэтому основой познания должна быть индукция и выборочный метод. Бесконечность мира означает и его изменчивость. Следовательно, научная истина не может быть абсолютной: “...научная истина есть такое положение, которое **в данное время** не может быть опровергнуто, при чем противоположные или параллельные ему объяснения того же факта могут быть опровергнуты” (с. 25). 3. Наука должна “отказаться от оценки явлений” (с. 26) как субъективной и не поддающейся формализации категории. В применении к изучаемому предмету это означает, что литературоведение не должно оценивать качество изучаемых текстов. 4. Цель науки – систематизация фактов и нахождение устойчивой связи между ними, т.е. установление законов. В качестве методологического образца Ярхо приводит биологию, которая добилась огромных успехов благодаря базовому “сравнительному методу, поддержанному двумя вспомогательными <...> – экспериментом и статистикой” (с. 29).

Становится ясной исследовательская устремленность самого Ярхо. Его колоссальная эрудиция, позволяющая оперировать десятками литератур и сотнями произведений, его виртуозное владение математической статистикой предназначены для нахождения наиболее важных законов литературоведения. Механизмы, определяющие порождение и развитие текстов, должны быть выявлены в подобном исследовании. По мнению Ярхо, основой эстетики является необычность наблюдаемого элемента. Именно необычные явления и подлежат сравнительно-статистическому анализу. Учет категории необычного литературоведческий квантитативный анализ отличается от лингвистического.

Исходя из этого, ученый делит литературоведение на фонику – изучение звукового оформления текста; стилистику – изучение эстетического использования грамматических форм; поэтику – изучение эстетического использования образов. В фонику органически входит метрика. И в “Методологии точного литературоведения” Б.И. Ярхо показывает на материале русской, сербской, французской, латинской и скандинавской литературы, как надо вести подсчет эстетически значимых единиц, какими формулами теории вероятности пользоваться, к каким выводам это приводит. Примечательно, что сам ученый полагал свою работу не только не законченной, но и не доведенной и до середины. Почти 400-страничный текст “Методологии”, опубликованный М.В. Акимовой, И.А. Пильщиковым и М.И. Шапиром, именуется в подзаголовке “Наброском плана”. Очевидно, Б.И. Ярхо планировал написать исследование в жанре *Grundriß*, вложив в него всю свою огромную эрудицию.

Свидетельством плодотворности принципов, разработанных в “Методологии”, являются помещенные во второй части тома два обширных исследования конкретного литературного материала. При сравнении комедий и трагедий Корнеля из более чем трех десятков признаков сценического действия и диалога были отобраны 15 основных признаков, обладающих различительной силой: живость диалога; фоническая связность текста; немые роли; неиспользованные лица; процент основных персонажей; активность персонажей; подвижность персонажей; возвращение персонажей; трагедийная окраска; комедийная окраска; передвижения; обязательные жесты; действия за сценой; сюжетные перипетии; экспозиционные сцены (с. 522–527). В совокупности эти признаки позволили убедительно описать специфику двух указанных основных жанров и показать, как соотносится с ними произведения “промежуточного” жанра – героической комедии (с. 546–549).

В другом конкретном исследовании – “Распределение речи в пятиактной трагедии (К вопросу о классицизме и романтизме)” – предметом внимания Ярхо стали различия между литературными направлениями. Классицистические драмы отличаются от романтических преобладанием диалога и статики над динамикой. Драмы XVIII в., однако, уступают по этим параметрам античным трагедиям. Б.И. Ярхо заключает, что XVIII век представляет собой переходный период к романтизму. И этот вывод имеет принципиальное значение. Сам по себе он выглядит не ново, но он показывает надежность предложенных мате-

матических методов, которые приводят к обоснованным выводам.

Приведу параллель из лингвистики. Как известно, в исторической лингвистике существует такое направление, как лексикостатистика, т.е. подсчеты сохранности общей лексики в родственных языках. Среди работ этого направления выделяются исследования В. Маньчака о романских языках [15] и монография А.Ф. Журавлева [16] о славянских языках. Обе монографии основаны на материале прекрасно изученных языков, в обеих на основании лексикостатистики сделаны выводы, близкие к общепринятым, с дополнениями. Это доказывает корректность примененных математических методов.

* * *

Издание и комментарий к трудам Ярхо – стало последней большой прижизненно опубликованной работой М.И. Шапира (1962–2006), возможно, самого крупного и талантливого ученого-гуманитария своего поколения. М.И. Шапир, поражающий широтой и разнообразием своих интересов, был мастером комментария и архивных поисков. Ему принадлежат десятки публикаций, связанных прежде всего с историей Московского лингвистического кружка, он открыл читателю рано умершего, подававшего большие надежды М.М. Кёнигсберга. Его издание “Филологических исследований” Г.О. Винокура [17] было признано образцовым, а комментарии к этому изданию могут рассматриваться как самостоятельное научное исследование целого комплекса проблем теории литературы и лингвистической поэтики.

Всё это заставляет с особым вниманием отнестись к завершающему изданию исследовательскому очерку М.И. Шапира о возможностях и границах “точных методов” в гуманитарных науках, хотя его содержание и не связано непосредственно с анализом собственно публикуемых в книге трудов Б.И. Ярхо. Ранее этот очерк был опубликован в качестве самостоятельной статьи [14] и уже стал предметом полемического разбора со стороны известного математика и лингвиста А.В. Гладкого [18].

Каков же итог математического подхода к литературной науке? Высоко оценив исследовательскую программу Б.И. Ярхо в предисловии и высказав глубокое сожаление о неосвоенности наследия большого ученого, редактор сборника излагает свои взгляды на применение “точных методов”. Кавычки здесь неслучайны. М.И. Шапир с полным основанием замечает, что само

по себе наличие подсчетов, таблиц, графиков и т.д. само по себе не гарантирует точности. Еще И. Грекова, она же Е.С. Вентцель, крупный математик-прикладник и талантливый писатель, и в своих статьях и в художественных произведениях подчеркивала следующую мысль. Математический аппарат может дать что-то науке только тогда, когда ученый располагает точной нематематической (качественной) моделью изучаемого явления. Проще говоря, прежде чем считать, надо знать, что именно и зачем считать [19, с. 235; 20]. Именно так сказал и сам Ярхо (с. 61). В то же время гуманитарий может использовать точные методы, и не обращаясь к вычислениям. М.И. Шапир ссылается здесь на морфологию сказки, разработанную В.Я. Проппом [21]. Я бы прибавил в качестве еще одного примера методологию сравнительного языкознания: фонетический закон не может быть выражен количественно; тем не менее, его объяснительная сила достаточно высока для прогностики, а отступления от фонетического закона находят закономерное объяснение. М.И. Шапир задается принципиальным вопросом: насколько возможно применение “точных методов”⁴ в гуманитарных науках вообще и литературоведении в частности? На этот вопрос исследователь отвечает так. Существует два вида высказываний: общие (*Все А суть Б = Ни один А не есть не-Б*) и частные (*некоторые А суть Б = Существует хотя бы одно А, которое есть Б*). Первый тип – высказывания теоретические, второй – исторические (см. [22; 23]). В гуманитарных науках математические методы, по мнению Шапира, применимы к историческим, но не к теоретическим высказываниям.

Как следует из определения, теоретическое высказывание должно охватывать весь универсум А; опровергается же оно единственным контрпримером. Историческое высказывание имеет дело с единичными случаями; для его опровержения необходимо обозреть весь универсум. Теоретическое высказывание говорит о том, что должно быть, историческое – о том, что есть. Универсум гуманитарной деятельности отличается от естественно-научного тем, что в нем присутствует большое количество демиургов со свободной волей. Именно поэтому невозможно

⁴ Двусмысленность этого определения может быть снята, если слово “точные” заменить на “количественные”. Действительно, наука без точных методов не может называться таковой. Точность филолога, воссоздающего и издающего аутентичный текст, ничуть не меньше, чем математика. Представляется поэтому, что полемика А.В. Гладкого с М.И. Шапиром во многом основана на терминологическом недоразумении.

создать его полную математическую модель. “Изучение текста точными методами нужно всячески приветствовать, но математизированная теория текста как такового, увы, неосуществима: каждый объект, будучи повторимым в самых разных своих деталях, уникален как единство смысла во всей полноте и в любых тонкостях его материального воплощения в чувственно воспринимаемой форме” (с. 895).

К этому можно добавить, что и сама математика не может считаться абсолютно точной наукой: «Слова “точная наука” сейчас получили иное значение: наука, умеющая определить меру своей неточности» [24, с. 181]. Математика может дать бесспорные выводы только об объектах, изменчивостью которых можно пренебречь. Цельный текст является таковым, процесс порождения высказываний в широком смысле слова, а тем более литературный процесс – нет. Кроме того, как справедливо подчеркивал сам Б.И. Ярхо, любой подсчет приобретает смысл только при сравнении. Если мы подсчитаем, сколько в том или ином тексте частей речи или грамматических форм, то полученные данные сами по себе будут мало что значить. Сравнение же с аналогичными цифрами из иных текстов дает возможность связать их со стилевыми или жанровыми особенностями текста (что и демонстрировал нам Ярхо). Призыв М.И. Шапира начать, опираясь на труды Ярхо, исследование литературы с помощью количественных методов, заслуживает всяческой поддержки. Вполне возможно, так будет преодолен застой, наблюдаемый в мировой литературной теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ярхо Б.И. Рифмованная проза русских интерлюдий и интермедий / Подготовка текста и публикация М.Л. Гаспарова // Теория стиха. Л., 1968.
2. Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения (набросок плана) <отрывки> / Подготовка текста и публикация М.Л. Гаспарова // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1969. Вып. 236 (= Труды по знаковым системам. Т. 4).
3. Гаспаров М.Л. Каролингские тетраметры и теоретическая модель латинского метрического стиха // Античная культура и современная наука. М., 1985.
4. Гаспаров М.Л. Неизданные работы Б.И. Ярхо по средневековой латинской литературе // Западно-европейская средневековая словесность. М., 1985.
5. Ярхо Б.И. Распределение речи в пятиактной комедии (К вопросу о классицизме и романтизме) / Подготовка текста, публикация и примечания

- М.В. Акимовой. Предисловие М.И. Шапира // *Philologica*. 1997. Т. 8/10.
6. *Ярхо Б.И.* Комедии и трагедии Корнелия (Этюды по теории жанра) / Подготовка текста и публикация М.В. Акимовой // *Philologica*. 1999/2000. Т. 6.
 7. *Шапир М.И.* "...Домашний, старый спор..." (Б.И. Ярхо против Ю.Н. Тынянова во взглядах на природу и семантику стиха) // *Philologica*. 2001/2002. Т. 7. № 17/18.
 8. *Ярхо Б.И.* Из цикла пародий "Poetae – poetae" (Симеон Полоцкий) // *Quinquagenario Alexandri П'ušini oblata*. М., 1990. (См. также: Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1990. Т. 49. № 3).
 9. *Ярхо Б.И.* Методология точного литературоведения: (Набросок плана) <Предисловие>: Подготовка текста и публикация М.И. Шапира // *Quinquagenario Alexandri П'ušini oblata*. М., 1990. (См. также: Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1990. Т. 49. № 3).
 10. *Шапир М.И.* Б.И. Ярхо: штрихи к портрету // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1990. Т. 49. № 3.
 11. *Акимова М.В.* Б.И. Ярхо в полемике с тыняновской концепцией поэтического языка // *Philologica*. 2001/2. Т. 7.
 12. *Акимова М.В.* Гуманитарные науки и биология: Б.И. Ярхо и терминология русского постструктурализма // *Антропология культуры*. М., 2005. Вып. 3.
 13. *Ярхо Б.И.* Из "Методологии точного литературоведения": Литературное целое (индивидуум) // *Антропология культуры*. М., 2002. Вып. 1.
 14. *Шапир М.И.* "Тебе числа и меры нет". О возможностях и границах "точных методов" в гуманитарных науках // *Вопросы языкознания*. 2005. № 1.
 15. *Manczak W.* La classification des langues romanes. Krakow, 1991.
 16. *Журавлев А.Ф.* Лексикостатистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.
 17. *Винокур Г.О.* Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990.
 18. *Гладкий А.В.* О точных и математических методах в лингвистике и других гуманитарных науках // *Вопросы языкознания*. 2007. № 5.
 19. *Грекова И.* Необязательные украшения // *Вопросы литературы*. 1988. № 2.
 20. *Грекова И.* Пороги. М., 1984.
 21. *Пропп В.Я.* Морфология сказки. Л., 1928.
 22. *Popper K.* Logik der Forschung: Zur Erkenntnistheorie der modernen Naturwissenschaft. Wien, 1935.
 23. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983.
 24. *Любищев А.А.* В защиту науки: Статьи и письма. М., 1991.

К.Г. Красухин